

Научная статья**УДК 1****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81****Национальная идентичность: тенденции трансформации****Любовь Игоревна Седова***Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия*
lyubovmiklina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>

Актуальность исследования проблемы национальной идентификации определяется перманентными, разнонаправленными социокультурными изменениями, сопровождающими становление и развитие информационного общества как на глобальном, так и на локальном уровне. Эти изменения обусловлены последствиями глобализации, развитием информационных и телекоммуникационных технологий, интенсификацией культурного обмена и доминированием массовой культуры. Цель исследования – выявить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности. Новизна полученных результатов заключается в определении трендов идентификации на национальной основе, характерных для большинства обществ, вступивших в информационную стадию развития, а также особенностей формирования российской идентичности на современном этапе. Теоретико-методологическая база работы образована широким спектром концепций отечественных и зарубежных исследователей в области теорий информационного общества и социальной идентичности. При постановке проблемы и обосновании теоретических основ исследования применялись аналитический и компаративный методы; в качестве метода сбора данных послужил анкетный опрос. В части обсуждения результатов исследования, обобщения полученных данных и формулировки выводов использовался метод систематизации и синтеза. Применение указанных методов позволило обозначить ряд тенденций трансформации национальной идентичности в условиях информационного общества. В частности, отмечено кризисное состояние самоопределения на национальной основе, распространение партикуляризма и сосуществование множества конкурирующих между собой локальных идентичностей, обращение к базовым для культуры ценностям в поисках основ национальной общности. Практическая значимость исследования определяется ценностью полученных результатов с точки зрения их использования специалистами в области социальной философии и философии истории, социальной психологии и смежных дисциплин.

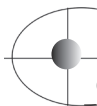
Ключевые слова: информационное общество, глобализация, идентичность, социальная идентичность, национальная идентичность, традиционные ценности

Original article**National Identity: Transformation Trends****Lyubov I. Sedova***Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*
lyubovmiklina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>

The significance of this study is determined by the permanent, multidirectional social and cultural transformations both at the global and local levels that occur in the information society. These changes are caused by globalization, development of information and telecommunication technologies, intensification of cultural exchange and extension of mass culture. The purpose of this paper is to identify the most important transformation trends of the national identity. The originality of the results is presented by: (1) the definition of the main trends of national identification process in information society; (2) the study of the specialty of Russian identity. The theoretical and methodological basis of the article is formed by the wide range of domestic and foreign theories. These theories are dedicated to the problems of information society and social identity. We use analytical and comparative methods at the stage of formulation the problem and substantiating the theoretical foundations of the study. We also worked out the questionnaire, which was used during data collection. In the part of the project dedicated to the discussing the results and making conclusions, the method of systematization and synthesis was used. These methods allow us to identify some transformation trends of national identity in the information society. In particular, the crisis of national (state) identity, the spread of particularism and the coexistence of many competing local identities, an appeal to the basic culture values in search of the foundations of a national com-

© Седова Л. И., 2022

munity were distinguished. The practical significance of the study is determined by the value of the results for the specialists in social philosophy, philosophy of history, social psychology and related disciplines.

Keywords: information society, globalization, identity, social identity, national identity, traditional values

Введение. Анализ проблемы идентичности в социально-философском ракурсе составляет предмет интереса исследователей различных научных школ, как отечественных, так и зарубежных. Актуальность и высокая значимость этой темы для современного общества информационного типа вызвана рядом социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в. В первую очередь, становление информационного общества подразумевает ускорение развития телекоммуникационных технологий и средств связи, что интенсифицирует социальный и культурный обмен между странами, народами и этносами. Во-вторых, возрастающие темпы глобализации влекут за собой обратные тенденции – к поиску объединяющих факторов локального (этнического, религиозного) характера. В-третьих, становление и развитие массовой культуры, охватывающей более широкий круг аудитории, и повышение доступности информации в целом способствуют распространению релятивистских ценностей, плюрализации стилей жизни и образцов поведения. В-четвёртых, появление новых возможностей накопления и передачи больших объемов информации (так называемых «больших данных») преобразует формы и инструменты сохранения коллективных воспоминаний, лежащих в основе самоопределения индивидов и сообществ различных масштабов. Всё это провоцирует трансформации в поле национальной идентичности, понимание и объяснение которых необходимо для обеспечения социальной интеграции на макроуровне.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: определить понятие и особенности информационного общества; выбрать теоретико-методологический подход к исследованию феномена идентичности; раскрыть место национальной идентичности в структуре социальной, обозначить её сущностные свойства; выявить тенденции трансформации национальной идентичности, обусловленные особенностями информационного общества; уста-

новить специфику формирования общероссийской идентичности.

Новизна исследования определяется тем, что в результате анализа и систематизации теоретических и эмпирических работ отечественных и зарубежных авторов сформулированы общие тренды национальной идентификации, характерные для информационного общества. Аналитически выделены особенности формирования общероссийской идентичности, на примере молодёжи показаны противоречивые тенденции в отношении ценностного аспекта самоопределения. Практическая значимость исследования определяется новизной и ценностью полученных результатов с точки зрения их использования специалистами в области социальной философии и философии истории, социальной психологии и смежных дисциплин. На основании развёрнутого анализа с привлечением широкой базы источников получены выводы, дополняющие процессуальный подход в понимании феномена идентичности.

Понятие идентичности в социально-гуманитарном знании может рассматриваться как минимум с точки зрения трёх подходов [1, с. 40]. По хронологии появления первым можно считать микросоциологическое направление, сформировавшееся в 1970-х гг., в первую очередь, в русле теорий символического интеракционизма. В микросоциологии идентичность трактовалась как естественная данность или атрибут индивидуального Я. В данном значении этот термин использовал Э. Эрикссон, которому и принадлежит заслуга введения понятия «идентичность» в психологию [2, с. 17]. Первый подход складывался, таким образом, на пересечении социологических и психологических исследований. Последующий за микросоциологическим антиэссенциалистский подход основывался на социальном конструктивизме и вследствие этого особое внимание уделял агентам социализации, участвующим в формировании идентичности, таким как расовые, этнические, национальные и другие общности. Согласно принципам социального конструктивизма на первый план выдвигался динамический характер идентичности, ведущая роль отводилась когнитивным практикам.

Представители социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман отмечали взаимосвязь объективного (структурного) и субъективного (индивидуального) факторов формирования идентичности. «Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже её переформируя» [3, с. 280]. Исторически сложившиеся социальные структуры опосредуют образование определённых типов идентичности, верифицируемых в повседневном взаимодействии.

Трансформации в науке и обществе повлекли за собой отказ от крайних позиций в понимании идентичности, что в настоящее время даёт возможность анализировать структурное разнообразие феномена. Становление процессуального направления связано, во-первых, с тенденцией к синтезу научных подходов (натуралистически-эссенциалистской и антиэссенциалистской точек зрения), во-вторых, с необходимостью описания и объяснения трансформаций идентичности, механизмов её обновления. Теория ставит акцент на категории «идентификации» – процессе поиска и обретения самоопределения.

Так, М. Кастельс под идентичностью понимает «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесённость с другими социальными структурами» [4, с. 43]. Специфика современного информационного (информационального) общества определяется, по мнению автора, преобладанием идентичности как центрального организующего принципа. В границах процессуального подхода акцент ставится на восприятии актором многообразия форм самоопределения и подвижности выбора своего Я.

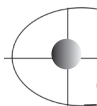
Комплексное понимание феномена предполагает дополнение процессуального подхода онтологическим. Целесообразно признание исходного, примордиального характера поиска самоопределения в его взаимосвязи со структурой потребностей

личности. Архаичность идентичности коррелирует с особой ролью аффективных, неосознаваемых компонентов, отличающих её от самосознания. И. В. Малыгина связывает генезис идентичности с действием двух сил: прогрессивной и регрессивной [5]. Исторически первая – прогрессивная – направлена на отделение человеческой личности от природы. Вторая реализует потребность в отнесении к культуре, её ценностно-символическому пространству, посредством чего обретается новая форма единства со средой.

Сложность и многовариантность социальных и культурных изменений современного общества предопределяет формирование целого ряда подходов, каждый из которых стремится объяснить особенности и закономерности этих изменений в определённом ракурсе. Одним из ведущих направлений в понимании специфики современного этапа развития с конца 60-х гг. XX в. остаётся концепция информационного общества. Она позволяет выделить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности, общие для группы стран, в ракурсе процесса информатизации.

Теория информационного общества внутренне неоднородна и отличается разнообразием акцентов, неоднозначностью критериев, позволяющих отличить современный тип социального устройства. Д. Белл в 1980-х гг. наделял информационное общество всеми характеристиками постиндустриального, а сам термин использовал для описания специфических изменений в социальной структуре, вызванных повышением значимости информации и знания, интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий [6]. Со времён первых теоретиков и практиков информационного общества концепция подверглась существенным изменениям, появился целый ряд синонимичных понятий («общество знания», «сервисное общество», «экономика знания» и др.). В отечественной литературе сложилось множество определений, не всегда коррелирующих с западной традицией, в рамках которой термин и концепция были сформированы.

При всём многообразии трактовок можно выделить ограниченное число признаков информационного общества, задающих его сущностные свойства. И. Ю. Алексеева к таким признакам относит высокий уровень

развития телекоммуникационных и информационных технологий и инфраструктуры, совершенствование компьютерной техники, увеличение доступности информации, превращение информации и знания в стратегический ресурс общества [7, с. 30–32]. С позиции исследования социальной идентичности стоит отметить расширение объема и источников информации, интенсификацию её обмена и потребления, в первую очередь благодаря массмедиа.

М. Кастельс вводит понятие «информационное общество», призванное подчеркнуть фундаментальную роль информации в формировании нового способа развития. Предложенное автором аналитическое и методологическое разграничение «информационного» и «информационального» основано на утверждении о том, что информация как таковая служила важным ресурсом во всех типах обществ, в том числе индустриальном. Отличительной особенностью современного этапа становится, по М.Кастельсу, придание информации статуса основного источника производительности и власти.

Многоаспектность проблемы идентичности отражается в двух формах существования рассматриваемого явления. Первая, базирующаяся на трактовке идентичности в русле психологии и социальной психологии, заключается в той части «я-концепции», которая отвечает за психологическую целостность и самоидентичность личности. Вторая форма основана на социологическом понимании идентичности и переносит акцент на идентификационные процессы в группе, рассматривая социальную идентичность как результат отождествления с коллективом. В. С. Малахов подчеркивает, что идентичность – всегда атрибут индивида, говорить об идентичности сообществ можно только в метафорическом смысле¹. Подобного рода образования не существуют как целостные единицы, но распадаются в конечном счёте на множество идентичностей входящих в них индивидов.

Различают индивидуальную (личную) и социальную идентичность или, в терминологии И. В. Малыгиной, индивидуальную и коллективную формы социальной идентичности. Диалектика двух форм описывается Я. Ассманом следующим образом:

¹ Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / под ред. В. С. Стёпина [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – С. 78.

– «я-идентичность» приобретает только благодаря включённости в коммуникационные процессы, принадлежности к группе и причастности к представлению группы о себе; формирование «я-идентичности» представляет собой основанный на общем понимании смыслов символического пространства процесс взаимодействия с «обобщёнными» и «значимыми другими», в результате чего образуется некое «зеркальное я»;

– «мы-идентичность» не существует независимо от членов группы, но только в их сознании и благодаря ему, в той степени, в которой она способна направлять их мышление и мотивировать действия [8].

И. В. Малыгина отмечает, что в свете социокультурной динамики соотношение между индивидуальной и коллективной формами социальной идентичности таково, что усложнение и возникновение новых проявлений индивидуальной сопровождается ослаблением роли коллективной идентичности в социальных процессах на всех уровнях.

Среди социально значимых критериев самоотождествления можно указать этнические, национальные, религиозные, профессиональные, территориальные, гендерные и другие. Соответственно, в зависимости от типа сообщества, с которым происходит отождествление, выделяют этническую, национальную, гражданскую, профессиональную и другие виды идентичности.

Понятия национальной и гражданской идентичности близки по смыслу и в зависимости от теоретического подхода к их определению синонимичны либо рядоположны друг другу. Так, в концепциях Б. Андерсона, Э. Смита и Э. Геллнера нация определяется как общность, организованная по государственно-политическому признаку [9–11]. В данном подходе понятия национальной и гражданской идентичности совпадают по смыслу. Согласно И. В. Малыгиной, национальная идентичность составляет наиболее поздний слой этнокультурной идентичности в её «вертикальном» или диахроническом аспекте. При этом нижний слой занимает родовая идентичность, а средний – собственно этническая [12, с. 242–243]. Три пласта идентичности наслаивались друг на друга последовательно в процессе культурно-исторической динамики, развиваясь по принципу взаимодополнительности. Каждой форме соответствует самоидентификат,

роль которого состоит в объединении тех, кто признаёт свою принадлежность к сообществу.

В. А. Тишков определяет национальную (общую для граждан страны) идентичность как «государственно-территориальную, политико-правовую общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-нравственных характеристик» [13, с. 108]. Это один из видов коллективной или «мы-идентичности», который складывается по принципу принадлежности к нации. Национальная идентичность отражает разделяемые всеми (большинством) граждан представления о своей стране, немаловажную роль в формировании которых играют обобщённые образы страны и народа.

Национальная идентичность образуется сочетанием когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. М. Барретт к когнитивным аспектам национальной идентичности относит: знание (осведомлённость) о существовании национальной группы; категоризацию себя в качестве члена национальной группы; знание о национальной географической территории; знание национальных символов; обыденные (имплицитные) представления относительно общего происхождения, общности родства; представление о типичных характерных чертах членов нации (национальные стереотипы); чувство аутентичности – представление о себе самом по отношению к национальной группе; представление об оценке собственной нации членами других наций [14, с. 25].

Аффективные (эмоциональные) аспекты национальной идентичности включают: субъективную важность национальной идентичности для индивида; ценность членства в национальной общности; привязанность к национальной идентичности и территории; чувства по отношению к членам собственной нации (к отдельным индивидуумам и к нации в целом); чувство персонального членства/принадлежности к национальной группе или степень, в которой индивид ощущает персональную принадлежность к национальному сообществу.

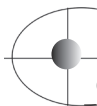
Поведенческий компонент национальной идентичности описывает практики манифестации, которые в случае индивидуальной формы презентуют принадлежность к общности, в случае коллективной – её единство и солидарность. Наиболее древние способы манифестации – миф и ритуал.

Формирование когнитивного и поведенческого аспектов связано с процессами «воображения» сообщества (Б. Андерсон) или «интенсификации» идентичности (Я. Ассман). Переход социальной принадлежности в коллективную идентичность проявляется в явном виде только в больших обществах, где самоопределение становится проблемой.

Отдельно стоит выделить ценностные аспекты национальной идентичности. Согласно Г. Тэджфелу, «знание индивида, что он принадлежит к некоторым социальным группам вместе с некоторой эмоционально и ценностно значимой для него этой групповой принадлежностью» [15], составляет сущность социальной идентичности. Следовательно, отождествление с национальной общностью предполагает ценностное сопоставление «мы» и «они» («свои» и «чужие»). Социальная категоризация как элемент процесса идентификации предполагает формирование оценочного отношения субъекта к группе под влиянием системы ценностных ориентаций.

Представленные компоненты можно рассматривать в качестве идентификационных стратегий, что придаёт им свойство процессуальности [16]. Познание индивидом собственной самости, принадлежности к сообществу и конструирование значимых для группы смыслов происходит, таким образом, в когнитивном, аффективном, поведенческом и ценностном аспектах. Все выделенные компоненты имеют динамическую природу и трансформируются на фоне глобальных и локальных социальных изменений.

Методология и методы исследования. Анализ теоретических подходов к пониманию особенностей информационного общества и сущности социальной идентичности позволяет определить методологическую базу исследования. Комплексное видение феномена идентичности достигается благодаря синтезу конструктивистского, процессуального и онтологического подходов. Социальный конструктивизм акцентирует внимание на социокультурной природе идентичности, её динамическом характере. Процессуальный подход даёт возможность анализировать структурное разнообразие феномена, объяснять трансформации идентичности и механизмы её обновления. Онтологический подход позволяет рассмотреть аффективные (эмоциональные) основания

самоидентификации, раскрыть проблему поиска самоопределения в её взаимосвязи со структурой потребностей личности.

Понимание особенностей информационного общества, обуславливающих изменения в пространстве национальной идентичности, сформировано постиндустриальной методологией (Д. Белл) и теорией информационного способа развития (М. Кастельс). Выстраивание целостного теоретико-методологического подхода, составившего фундамент исследования, основано на применении аналитического и компаративного методов.

В авторском эмпирическом исследовании в качестве метода сбора данных на этапе сбора первичных данных применялся анкетный онлайн-опрос. В части обсуждения результатов исследования и формулировки выводов использовался метод систематизации и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение. Информационное общество характеризуется актуализацией проблемы идентичности. З. Бауман отмечает, что дискуссии вокруг идентичности возникают при таком типе социального устройства, когда в обществе сосуществует несколько различных систем идей и смыслов [17]. Увеличение информационных потоков, подвижность и изменчивость социокультурной среды приводят к тому, что идентичность приобретает условный, конструируемый характер. Особенно остро встаёт проблема национальной идентичности, формируемой в полярности локального и глобального, личного и общественного [18, с. 146]. Масштабные трансформации, связанные с глобализационными процессами, наметили основные направления изменения национальной идентичности.

Глобализация, усиливающаяся благодаря развитию информационных и телекоммуникационных технологий, провоцирует появление противоречивых тенденций в поле национальной идентичности. С одной стороны, возрастающий культурный обмен демонстрирует многообразие мира и создаёт условия для единства этого многообразия. С другой, как отмечает Н. Н. Федотова, глобализация «не устранила раскола в ощущении идентичности и внутри стран, ... оказалась неразрывно связанной с локализацией, сохранением и поиском локальных идентичностей» [19, с. 81]. Подобного рода

разнонаправленные процессы были обозначены Р. Робертсоном термином «глокализация» [20]. Связывание мирового пространства в политическом и экономическом плане сопровождается разобщённостью в плане культурном, усугубляя ситуацию неопределённости самоотождествления.

Парадоксальность современной социокультурной среды в том, что несмотря на интеграцию мира посредством информационных и телекоммуникационных технологий, наблюдается тенденция «построения социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности» [4]. Глобализация на данном этапе исторического развития не приводит к формированию единой идентичности или к укреплению самоопределения по признаку национальности. Напротив, она усиливает фрагментацию систем идей и смыслов в мировом масштабе, способствует дезинтеграции нормативно-ценностных структур, создаёт угрозу самобытности национальных сообществ. Функция интеграции делегируется международным экономическим и политическим союзам, предоставляющим «транснациональную» идентификацию [21, с. 443]. Таким образом, одной из центральных тенденций трансформации национальной идентичности становится переход в перманентное *кризисное состояние*.

Развитие телекоммуникационных технологий в информационном типе общества многократно увеличивает значимость СМИ как фактора социальной идентификации. Согласно Ю. Хабермасу, «массмедиа предъявляют себя в качестве адресатов личных нужд и трудностей, в качестве авторитетных консультантов по жизненным проблемам: они щедро предоставляют возможность идентификации – своего рода регенерации частной сферы из доступного фонда публичных служб поддержки и консультации» [22, с. 257]. Массовая культура, формируемая медиа, становится всё более доступной, как в экономическом, так и в психологическом (интеллектуальном) плане. Она коммерциализируется, становится товаром, составляющим неотъемлемую часть общества потребления.

В конечном итоге, по мнению В. Г. Федотовой, «реальным механизмом ценностных изменений становится массовая культура»

[23, с. 41]. На место традиционных, универсальных ценностей приходят локальные, партикуляристские, что создаёт напряжение в формировании ценностного аспекта идентичности. В условиях релятивизма сопоставление «мы» и «они», формирование оценочного суждения относительно своей и чужой национальности не имеют общепринятых ориентиров и становятся индивидуальной проблемой. Идентичность для большинства стран в условиях глобализации и господства массовой культуры видится препятствием, что выявляет следующую тенденцию – *распространение партикуляризма* в поле национальной идентичности.

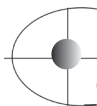
За последние десятилетия принципы национального самоопределения претерпели существенные изменения под влиянием миграционных процессов. Прежде всего, это характерно для европейских стран, где господство либеральной идеологии и политики мультикультурализма привело к обострению проблемы «свой» – «чужой» в границах одного государства. Н. Г. Багдасарьян и М. П. Король отмечают тенденцию к формированию среди граждан Европейского союза защитной реакции в форме *триболизма*. «Триболизм рассматривает как ценность доминирующее значение своего этноса, его приоритетную роль в прошлом и настоящем» [24, с. 176]. Основой при построении идентичности в таких условиях служит наиболее ранняя, первичная форма общности – этническая. Представители одного этноса в попытках обрести целостность и солидарность вступают в конфликтные отношения с другими сообществами, что в конечном итоге приводит к дальнейшему углублению кризиса национальной идентичности.

Важнейший фактор поддержания национальной идентичности – наличие институциональной основы или функционирование сети традиционных социальных институтов. Согласно представителям социального конструктивизма социальные институты есть «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [3, с. 93]. Одних индивидов с другими объединяет схожее понимание цели действия и средств её достижения. Фундаментом институтов, таким образом, выступают коллективные представления. В русле социального конструктивизма А. Вендт в рамках теории международных отношений определяет со-

циальный институт как «относительно стабильную сеть “структур” идентичностей и интересов» [25]. Социальные институты как совокупность норм и правил, регулирующих социальные отношения в определённой сфере, формируются на основе коллективных представлений и выступают основой социального порядка посредством создания и поддержания идентичностей, интересов, целей и средств их достижения. Институционализация представляет собой процесс создания структур, обеспечивающих идентичность. В современном российском обществе, по мнению В. Г. Федотовой, ни один традиционный социальный институт не выполняет своей функции, что порождает проблему идентичности [23, с. 116–119]. Кризис национальной идентичности, следовательно, сопровождается нарушением функций традиционных социальных институтов, не способных формировать и артикулировать социальные интересы.

Кризисные явления в отношении национальной идентичности отмечает П. Нора. В классическом труде «Франция-память» французский историк писал: «Нация не является больше той объединяющей рамкой, которая ограничивает сознание определённой общности людей» [26, с. 25]. Подход П. Нора нельзя назвать конструктивистским в строгом смысле этого слова, тем не менее, отдельные черты этого направления просматриваются. В частности, он пишет о пересмотре прошлого, политике памяти и практиках коммеморации как инструменте воссоздания воспоминаний. Опираясь на концепцию П. Нора, можно выделить три главенствующих тенденции трансформации национальной идентичности.

В первую очередь, П. Нора, связывая проблематику идентичности с темой коллективной памяти, отмечает, что современное общество характеризуется переходом «от единого национального сознания к сознанию типа наследие» [27, с. 136]. Нарушение традиционных каналов передачи межпоколенческого опыта приводит к разрыву с прошлым, что, в свою очередь, приводит к необходимости искусственного сохранения воспоминаний. Деидентификация с наследием переводит память и идентичность в контекст долженствования: коллективные знания и опыт не передаются спонтанно, каждый индивид и сообщество чувствуют долг в отношении самоопределения в тер-

минах памяти. Реконструируя воспоминания с помощью «мест памяти» и коммеморативных практик, группа утверждает свою общность и идентичность. Национальная идентичность *конструируется искусственно*.

Следующая тенденция, на которую указывает П. Нора, связана с *переходом от коллективной идентичности нации к множеству локальных идентичностей*. Причина этого процесса – деколонизация трёх видов (всемирная, внутренняя и идеологическая) [28]. Всемирная деколонизация охватывает бывшие колониальные державы и зависимые территории; внутренняя связана со стремлением религиозных, региональных, этнических, сексуальных и иных групп к признанию «большим обществом»; идеологическая характерна, в первую очередь, для посткоммунистических стран, в которых искажённая режимом история переосмысливается в ракурсе традиционной памяти.

Переход от национальной к множеству локальных идентичностей сопровождается конкуренцией, неправомерным использованием прошлого. «Проблемы начинаются в тот момент, когда история, которая никому не принадлежит и призвана сделать прошлое всеобщим достоянием, начинает писаться под давлением мемориальных групп, стремящихся насадить своё собственное прочтение прошлого» [29]. Борьба за самоопределение приводит к соперничеству различных мемориальных групп и создаёт угрозу конфликтов в пространстве памяти. Появляется тенденция к «виктимизации прошлого» – пересмотру истории с позиций жертв и коллективной травмы, часто в манипулятивных целях. Культурная память из интегрирующего фактора становится «точкой риска», источником скрытого напряжения [21, с. 443]. Применительно к идентичности эта тенденция находит отражение в *подмене национальной множественностью локальных, конкурирующих и конфликтующих между собой идентичностей*. В таких условиях, с точки зрения французского исследователя, стоит вмешаться государству, которое имеет право задавать общие рамки, контекст прочтения и трактовки коллективного прошлого.

Линии глобальных социокультурных изменений дополняются трендами модернизации на уровне отдельных государств. Негативные аспекты влияния российской модернизации на самоопределение граждан В. Г. Федотова описывает в терминах

«анархии». В переходный период в России устойчивые формы социальности, существовавшие на протяжении веков, перестали функционировать, и общество оказалось неспособным создать новые. В какой-то степени это можно назвать переходом к «войне всех против всех», естественному состоянию, предшествовавшему образованию государственности.

Глубинные основы социальных изменений, приведших к аномическому и анархическому состоянию общества, В. Г. Федотова видит в мировоззрении и культуре [23, с. 82]. В поиске причин образования анархического порядка российского общества она обращается к факторам ценностного сдвига, среди которых глобализация, породившая идею «экономического человека» и модель общества потребления; вестернизация или следование западным образцам и стилям жизни; массовая культура, формирующая массового человека. Именно массовой культуре уделяется особое внимание в контексте ценностных изменений. Её характерная черта – универсальность, опора на стандартное, одинаковое, не привязанное к национальной почве, менталитету и традициям сообщества. Победа массовой культуры ведёт к разрыву поколений, потере значимости коллективной памяти в процессе становления системы ценностей.

Прогресс в области информационных и коммуникационных технологий деформировал ценностную систему современного общества. В поисках системы координат личностного и социального самоопределения «атомизированный» индивид сталкивается с двойственностью социокультурного пространства. Новые технологии «усложняют социальную реальность, создавая альтернативный ей виртуальный мир, который утверждается порядком вещей как нечто целостное, как жизнь, как субъект, как субстанция новой “третьей” природы» [30]. Взаимодействие с виртуальной реальностью становится неотъемлемой частью повседневной жизни, что с неизбежностью искажает не только индивидуальную, но и коллективную идентификацию. «Самоопределение индивида происходит через отождествление с виртуальной общностью, имитирующей государственные образования, народности или нации, что с очевидностью демонстрирует запрос на некий объединительный “большой” нарратив» [16, с. 181].

Двойственная социокультурная реальность формирует альтернативные, квазинациональные формы идентичности.

В условиях кризиса национальная общность обращается к базовым для культуры ценностям, находится в поиске незыблемых основ интеграции. Л. М. Дробижина, определяет национальную общероссийскую идентичность как «комплекс разделяемых представлений, образов, конструируемых в процессе социализации институтами общества, государства, семьей, сферой образования, СМИ, интернет-ресурсами» [31, с. 42]. Ссылаясь на данные всероссийских социологических опросов, Л. М. Дробижина отмечает, что источником чувств национальной и этнической общности российских граждан на повседневном уровне становятся язык, традиционные ценности и нормы, культура доверия. Идентичность соотносится с параметрами, которые воспринимаются большинством как стабильные и неизменные.

Высокий уровень приверженности традиционным культурным нормам и ценностям сопровождается изменением содержания самих ценностей в молодежной среде. Проведённое нами социологическое исследование, включающее два этапа (апрель–июнь 2015 г. и ноябрь 2020 г. – январь 2021 г.; выборка составила 600 и 150 человек соответственно), позволило зафиксировать *тенденцию вариативности в отношении ценностного компонента национальной идентичности* на примере российской мо-

лодёжи. С одной стороны, полученные результаты согласуются с данными всероссийских исследований: современная молодёжь демонстрирует высокие показатели национальной идентичности. Более трети опрошенных в полной мере ощущают себя представителями своего народа, и ещё треть ощущает общность почти всегда (рис. 1).

С другой стороны, согласно полученным нами данным ориентации молодых людей на такие традиционные ценности русской культуры, как патриотизм, коллективизм и справедливость, носят противоречивый характер [32]. Показательны ориентации опрошенных на патриотизм. Если дифференцировать пространство данной ценности на когнитивную и поведенческую составляющие, то первая даёт высокие результаты по степени согласованности ответов респондентов. Проявление номинального патриотизма среди молодёжи – оценка статуса страны на международной арене: подавляющее большинство считают Россию великой державой. Вместе с тем реальный патриотизм, заключающийся в готовности совершать предписываемые этой ориентацией действия, существенно ниже. Так, 70,7 % молодых людей в 2015 г. заявили о нежелании служить в российской армии; в 2020 г. этот показатель увеличился до 84,8 %. В случае угрозы извне только 18,9 % в 2015 г. и 15 % в 2020 г. готовы защищать Родину в качестве добровольца (рис. 2).

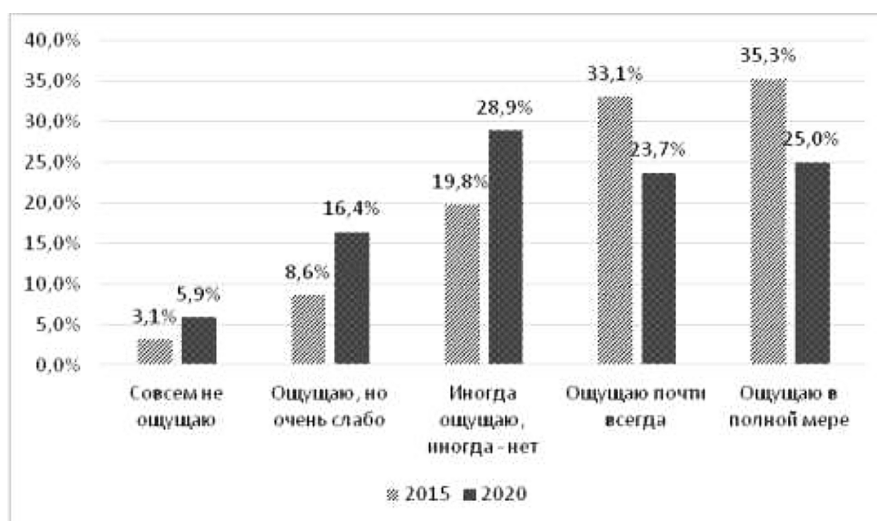

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В какой степени вы ощущаете себя представителем своего народа?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question "Do you feel like a representative of your nation?"

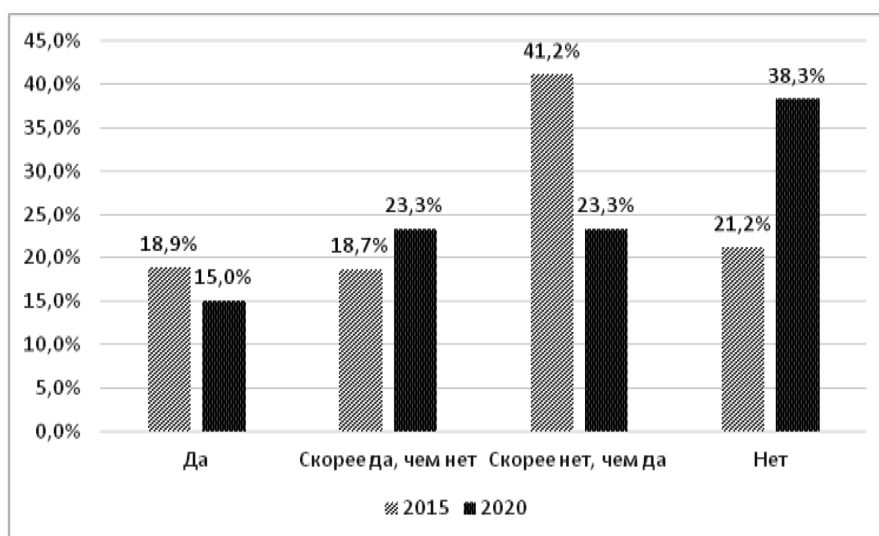
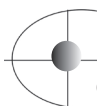

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы защищать Родину в качестве добровольца?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question "Are you ready to defend the Motherland as a volunteer?"

Аналогичные тенденции наблюдаются в ориентациях российской молодёжи на ценности коллективизма и справедливости. Достаточно высокий уровень декларативной приверженности ценности справедливости сочетается с индифферентностью относительно реального распределения благ в обществе. Молодые люди выражают согласие с русскими пословицами и поговорками, в которых отражается традиционное толкование справедливости, патриотизма и коллективизма («По работе и плата», «Родная сторона – мать, а чужая – мачеха», «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось» и др.). Однако степень ориентации на коллективные интересы и ценности варьируется в зависимости от того, идёт ли речь о ближайшем окружении человека или о государстве (регионе) в целом. В отношении своих друзей и родственников современная молодёжь более склонна к коллективистскому мировоззрению, чем в отношении макросреды. В этой связи актуализируется проблема поиска фундаментальных, глубинных основ национальной идентификации, определения интегративного потенциала базовых ценностей культуры.

Заключение. Нелинейность и многоаспектность социокультурных преобразований конца XX – начала XXI в. как на локальном, так и на глобальном уровне обусловила специфические черты современного общества. В ракурсе информатизации текущее состояние социума описывается в

терминах интенсивного развития технологий и инфраструктуры, расширения горизонтов применения компьютерной техники, увеличения количества и доступности информации, выступающей в качестве нового стратегического ресурса. Ключевые особенности общества информационного типа определяют общие тренды трансформации различных форм социальной идентичности, среди которых в наибольшей степени последствия изменений испытывает на себе самоопределение на национальной основе.

Исследователи отмечают кризисные явления в пространстве национальной (гражданской) идентичности. В первую очередь, в качестве ответной реакции на процессы глобализации, сообщества в рамках национальных государств обращаются в поисках самоопределения к локальным, первичным основам интеграции. Национальная идентификация вытесняется этнической, религиозной, гендерной и др. Во-вторых, переход к новому типу общественного устройства сопровождается нарушением функций традиционных социальных институтов, на место которых приходят крупные экономические, политические и иные союзы и объединения, формирующие «транснациональные» формы самоопределения. В-третьих, повышение доступности информации, интенсификация культурного обмена и повсеместное распространение массовой культуры в её вестернизированном варианте порождают тенденции плюрализации в поле коллектив-

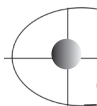
ной идентичности. В-четвёртых, вследствие нарушения каналов межпоколенческой преемственности и разрыва с наследием идентификация приобретает свойство долженствования, а фундамент для объединения на национальной почве конструируется искусственно. В-пятых, переходом от коллективной идентичности нации к множеству локальных идентичностей происходит одновременно с возрастанием латентной напряжённости между конкурирующими за самоопределение сообществами. Зачастую средством борьбы в этой ситуации становится сознательная манипуляция прошлым, «виктимизация истории», что находит выражение в конфликте мемориальных групп.

Перманентные глобальные трансформации, в которые включена каждая национальная общность, усложняются наличием локальных трендов социокультурных изменений. Сценарии российской модернизации

и «догоняющего» перехода к информационному обществу вызывают к жизни необходимость поиска параметров устойчивости и стабильности. Исследователи отмечают тенденции к формированию общероссийской (национальной) идентичности на основе традиционных для культуры ценностей. Вместе с тем проведённый нами опрос среди молодёжи демонстрирует вариативность в ценностных ориентациях на такие базовые ценности, как патриотизм, коллективизм и справедливость. Выявленный тренд может свидетельствовать как о переосмыслении традиционных систем значений в сознании молодого поколения, так и о трансформации содержания указанных ценностей. Последнее предположение актуализирует проблему поиска ценностных оснований современной российской культуры, когерентных прошлому и отвечающих перспективам будущего.

Список литературы

1. Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты её формирования. М.: Культурная революция, 2012. 200 с.
2. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: дис. ... д-р филос. наук: 24.00.01. М., 2005. 305 с.
6. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / пер. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
7. Алексеева И. Ю. Что такое общество знаний? М.: Когито-Центр, 2009. 96 с.
8. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
10. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
12. Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте культурных «разломов» глобального и локального // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. Гуманитарные науки, № 1. С. 242–246.
13. Тишков В. А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник Российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.
14. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / под ред. М. Барретта [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2001. 196 с.
15. Tajfel H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / ed. S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Vol. 1. Pp. 272–302.
16. Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13. С. 173–185.
17. Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2004. 104 p.
18. Искандерова С. Дж. Национальная идентичность и миграция в современном информационном обществе // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 7. С. 146–149.
19. Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 3. С. 75–92.

20. Robertson R. Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. London: Sage Publications, 1995. Pp. 25–44.
21. Малыгина И. В. Феномен “мемория” в современном дискурсе идентичности: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Изд-во МГЛУ, 2020. С. 442–445.
22. Хабермас Ю. Социоструктурная трансформация публичной сферы // *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. Монография* / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2013. С. 226–265.
23. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
24. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. Националистический поворот: от консолидации к конфликту // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18, № 3. С. 172–179. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-172-179.
25. Wendt A. Anarchy is what State Make of it: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 2. Pp. 391–425.
26. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Франция-память* / П. Нора [и др.]; пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
27. Нора П. Эра коммемораций // *Франция-память* / П. Нора [и др.]; пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 95–150.
28. Нора П. Всемирное торжество памяти. Текст: электронный // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 28.02.2022).
29. Нора П. Расстройство исторической идентичности. Текст: электронный // *Мир истории*. 2001. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 28.02.2022).
30. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. Постсоветская Россия: риски «эпохи ностальгии» // *PRIMO ASPECTU*. 2020. № 1. С. 23–32.
31. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник российской нации*. 2021. № 1–2. С. 39–52.
32. Седова Л. И. Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи. Текст: электронный // *Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе»*. 2021. № 2. С. 87–102. URL: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/Sedova%20%2021.pdf> (дата обращения: 28.02.2022).

Информация об авторе

Седова Любовь Игоревна, старший преподаватель; Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана; 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1; e-mail: lyubovmiklina@yandex.ru; <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-3420-8737>.

Для цитирования

Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 25.04.2022.

References

1. Fedotova, N. N. The Study of Identity and the Contexts of its Formation. M: Kulturnaya Revolyutsiya, 2012. (In Rus.)
2. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. (In Rus.)
3. Berger, P., Lukman, T. Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M: Mosk. Philos. phond, 1995. (In Rus.)
4. Castells, M. Information Age. Economy, society and culture. M: HSE, 2000. (In Rus.)
5. Malygina, I. V. Ethnocultural identity: Ontology, morphology, dynamics. Dr. sci. diss. M., 2005. (In Rus.)
6. Bell, D. Social framework of the information society / Tr. Y. V. Nikulichev. New Technocratic Wave in the West / Ed. P. S. Gurevich. M: Progress 1986: 330–342. (In Rus.)
7. Alekseeva, I. Y. What is a knowledge society? M: Kogito-Center, 2009. (In Rus.)
8. Assman, J. Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M: Languages of Slavic Culture, 2004. (In Rus.)
9. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. M: Kuchkovo pole, 2016. (In Rus.)
10. Gellner, E. Nations and nationalism / Tr. T. V. Berdikova, M. K. Tyunkina. M: Progress, 1991. (In Rus.)

11. Smith, E. D. Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism. M: Praxis, 2004. (In Rus.)
12. Malygina, I. V. Russian Identity in the Context of Cultural "Faults" of Global and Local. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 1, pp. 242–246, 2013. (In Rus.)
13. Tishkov, V. A. National identity: About the Meaning of the Debate. Bulletin of the Russian nation, no. 1, pp. 107–117, 2009. (In Rus.)
14. The Development of National, Ethnolinguistic and Religious Identity in Children and Adolescents / Ed. M. Barrett. M: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2001. (In Rus.)
15. Tajfel, H. Social categorization. Introduction à la psychologie sociale / Ed. by S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Vol. 1. pp. 272–302. (In Engl.)
16. Malygina, I. V. Identity in the Space of Post-culture. Bulletin of MSLU, no. 13, pp. 173–185, 2019. (In Rus.)
17. Bauman, Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2004. (In Rus.)
18. Iskanderova, S. J. National identity and migration in the modern information society. Sustainable development of science and education, no. 7, pp. 146–149, 2019. (In Rus.)
19. Fedotova, N. N. Multiculturalism and Development Policy. Journal of Sociology and Social Anthropology, no. 3, pp. 75–92, 2006. (In Rus.)
20. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. Featherstone M., Lash S. and Robertson R. Global Modernities. London: Sage Publications, 1995: 25–44. (In Engl.)
21. Malygina, I. V. The phenomenon of "memoria" in the modern discourse of identity: materials of the international. scientific conf. M: MGLU Publishing House, 2020: 442–445. (In Rus.)
22. Habermas, Y. Sociostructural transformation of the public sphere. Public sphere: theory, methodology, case study. Collective monograph. M: OOO "Variant": TsSPGI, 2013: 226–265. (In Rus.)
23. Fedotova, V. G. Good Society. M: Progress-Traditsiya, 2005. (In Rus.)
24. Bagdasaryan, N. G., Korol, M. P. Nationalist Turn: From Consolidation to Conflict. Social Policy and Sociology, no. 2, pp. 172–179, 2019. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-172-179. (In Rus.)
25. Wendt, A. Anarchy is what State Make of it: The Social Construction of Power Politics. International Organization, no. 2, pp. 391–425, 1992. (In Rus.)
26. Nora, P. Between memory and history. Problems of places of memory. France-memory / P. Nora [and others], St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 1999: 17–50. (In Rus.)
27. Nora, P. The era of commemorations. France-memory / P. Nora [and others]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999: 95–150. (In Rus.)
28. Nora, P. World celebration of memory. Emergency ration, no. 2, 2005. Web. 28.02.2022. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. (In Engl.)
29. Nora, P. Disorder of Historical Identity. World of history, no. 1, 2001. Web. 28.02.2022. <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>. (In Engl.)
30. Bagdasaryan, N. G., Korol M. P. Pos-Soviet Russia: Risks of "The Epoch of Nostalgia". PRIMO ASPECTU, no. 1, pp. 23–32, 2020. (In Engl.)
31. Drobizheva, L. M., Ryzhova, S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. Bulletin of the Russian nation. Scientific and socio-political journal, no. 1–2, pp. 39–52, 2021. (In Rus.)
32. Sedova, L. I. Traditional values in the structure of the ethno-cultural identity of modern youth. Bulletin of Dubna, no. 2, pp. 87–102, 2021. Web. 28.02.2022 <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues>. (In Engl.)

Information about author

Sedova Lyubov I., Senior Lecturer; Bauman Moscow State Technical University; Building 1, 5 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia; e-mail: lyubovmiklina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>.

For citation

Sedova L. I. National Identity: Transformation Trends // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81.

Received: March 16, 2022; approved after reviewing April 20, 2022; accepted for publication April 25, 2022.